

— Насколько мне известно, в вашей семье сейчас есть еще один профессиональный композитор...

— Это мой сын Лева, которым я очень горжусь. Несмотря на то, что он еще очень молод — ему 23 года — он зрелый музыкант, блестяще талантливый молодой человек и очень неплохо зарабатывает своей профессией.

Есть такой сайт в интернете — NAPSTER.COM, он отправляет туда свои произведения и по количеству прослушиваний получает гонорар. Это сайт для любителей музыки, он известен на весь мир. В нем есть разделы камерной музыки, симфонической, джаза, все номинации «Грэмми». Туда любой человек может прислать свою музыку, абсолютно любой. Я вот пишу по старинке, с бумагой и карандашом. А вот мой сын — раз уж мы начали с этого — освоил компьютер от и до и почти все свое время проводит, сочиняя музыку за компьютером. И хочу похвастаться: мой сын в некоторых категориях NAPSTER на протяжении трех недель занимал первое место. Это означает, что во всем мире его музыку кто-то слушает.

— Что такое российский мюзикл?

— Я думаю, что никакого такого специфически российского мюзикла еще нет. Этот жанр, как мне кажется, вообще не имеет каких-то

исходит, что солисты получают копеечную зарплатку, что очень неплохие музыканты идут в бухгалтеры, гадалки, в таксисты, наконец...

— Ну, вы преувеличиваете. Хорошие музыканты сейчас как раз востребованы. У них бесконечные гастроли, они постоянно заняты. Конечно, эта работа не так уж высоко оплачивается, но если ты — человек работающий, то можно жить. Композитор — это, конечно, особая статья. Композитор тоже должен уметь приспосабливаться, тоже должен уметь выживать в данных условиях. Такой, который, знаете ли, ригорист и упрямо придерживается стилистики а-ля Веберн или строгой додекафонии: «а вы меня хоть режьте, и все тут», — такой композитор ведет себя очень глупо. Я знаю, есть такая категория композиторов у нас — назло всему миру строчат свои бессмертные опусы, оказывающиеся невостребованными. Видимо, эта ложно понятая элитарность — обратная сторона неконкурентоспособности. Профессия композитора тесно связана со временем — это обязывает тонко чувствовать свое время: Моцарт — чувствовал, Малер — чувствовал, Штраус — чувствовал, но были и десятки тысяч тех, кто не просто не чувствовал, а был чудовищно упрямым. Кому нужны

раз говорили о той же опере, а вот жанр возрождается, но уже на новом уровне. — Все то же самое относится и к симфонии. И Канчели пишет прекрасные симфонии, и существуют еще примеры. Жанр не умирает.

— А у кого вы учились?
— Я учился у многих. Первое образование я полу-

чил несколько лет подряд. Он уже в это время не преподавал. Как сказал Эдисон Васильевич Денисов, мы можем сами выбирать себе учителей. И я его выбрал — Шостакович был настолько мощной личностью, что несколько его касаний оставили глубокий след на всем моем творчестве.

чат твою пьесу. Я убеждался, что выражение «рукописи не горят» верно.

Сейчас вот расскажу одну прямо-таки мистическую историю, еще никому ее не рассказывал. У меня был написан один мюзикл — «Три брата» — полусказка-полубыль. Давно, в молодости. Всем он нравился,

фея». Исполнялись наиболее популярные мои мюзиклы: «Блуждающие звезды», «Фьоренца», «Бочка меда», «Кабаре «Первомай», была презентация моей книги. Еще фестиваль фильмов, к которым я писал музыку: «Джек Восьмеркин — американец», «Биндюжник и король», «Блуждающие звезды». Киномузыка — это еще одна моя страсть.

— Почему ваш мюзикл «Губы» поставил именно Сергей Проханов?

— Я давний поклонник Набокова. Когда прочитал его роман «Камера Обскура», сразу понял, что из этого может получиться хороший мюзикл. И я все думал, как бы мне найти соавтора-либреттиста. Нашел такого человека в Америке, его зовут Владимир Мишин, талантливый поэт. Мы с ним вместе написали этот мюзикл. Но в Америке, конечно, никому это не нужно на русском языке, а в России не находилось театра, который мог бы это поставить. И вот совершенно случайно я зашел к Сергею Проханову, сказал, что у меня есть готовый мюзикл. И он говорит: «Ну поиграй». Я стал играть, играл минут двадцать, и он буквально загорелся: «Я буду это ставить! Хочу это поставить!». Он же предложил новое название — «Губы». За считанные недели проект был готов. Правда, либретто он во многих местах переделал (с театральным блеском), и в программке теперь стоит двойное авторство — Проханова и Мишина. Скоро этот мюзикл переносится на большую сцену, в кино-

Если можно сравнить внешний облик человека с геометрической фигурой, то Александр ЖУРБИН непостижимым образом сочетает в себе шар и многогранник. Шар — это способность нравиться всем, фигура, не имеющая острых углов и шероховатостей. Многогранник, светящийся в глубине шара, говорит об обратном.

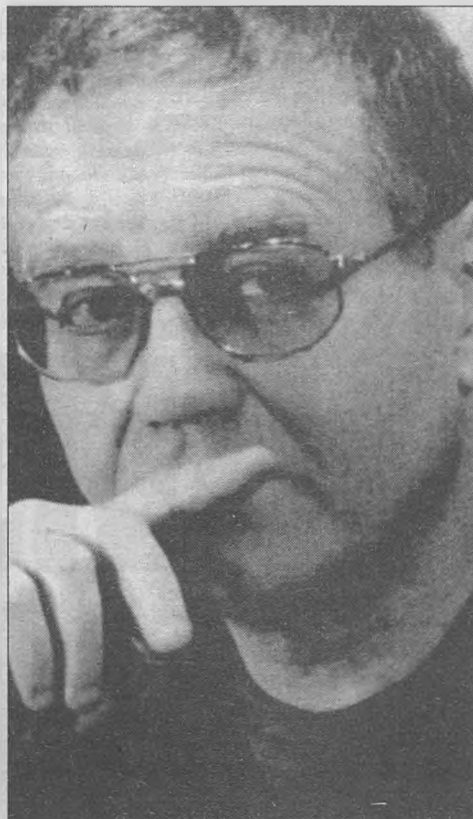
Фестиваль мюзиклов Журбина прошел в Театре эстрады весной этого года. Это фестиваль — мюзикл «Губы», идущий в Театре Луны под руководством Сергея Проханова.

Вот лишь несколько фраз о Журбине: Сюзен Зонтаг, писательница: «Александр, ваша музыка прекрасна, ваш характер делает меня счастливой».

Исаак Стерн, скрипач: «Музыка Александра Журбина одновременно прелестна и полна энергии».

Оскар Фельцман: «Прекрасно образованный музыкант, в своей профессии умеет все — сочинять, оркестровать, дирижировать».

Александр Калягин: «Популярность театральных произведений А. Журбина остается неизменной уже четверть века»

ОСТРЫЕ ГРАНИ ШАРА

национальных черт. Шедевры этого явления искусства принадлежат американской культуре. Российский мюзикл — «бэби», который учится ходить. Сейчас у нас в городе бум, идет сразу несколько мюзиклов — «Норд-Ост», «Метро», «Губы», «Нотр-Дам»...

По моим прогнозам на будущий год, их станет шесть, идущих каждый день, включая «Чикаго», «Ист-Викских ведм».

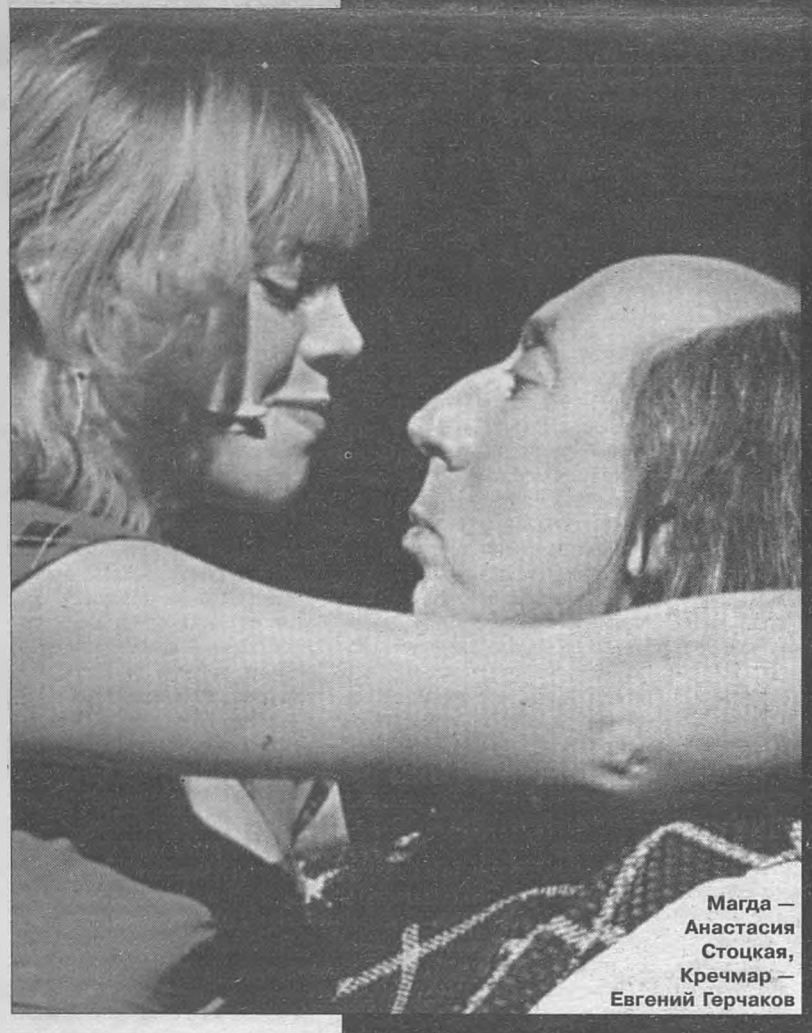
— Вы в 1990-м уезжали по контракту?

— Да, я был приглашен в американскую музыкальную организацию, которая называется сокращенно «M.S.R.» — находится она в Нью-Йорке — в качестве штатного композитора. Там сидишь и пишешь музыку и показываешь ее раз в год — надо быть дураком, чтобы от такого отказаться. Это уже был 90-й год, в нашей стране — полный бардак. Публика утратила интерес к музыке, искусству вообще. В это время уехали многие — Губайдулина, Денисов, Шнитке, Шедрин.

Но жизнь оказалась богаче любой фантазии, и вышло все так, как я и не смог бы предположить. Десять лет, проведенные в Америке, показали, что в Америке хорошо, а в России еще лучше. В последние пару лет Россия набирает колоссальный культурный и творческий потенциал, и, конечно, не сразу, но лет через десять Москва станет одной из величайших культурных столиц мира. Как Нью-Йорк, Париж, Токио, Лондон.

У вас на лице написаны недоумение и даже некоторый скепсис...

— Отнюдь не некоторый, а глубокий. Я просто живу здесь, вижу и знаю, что про-

Магда — Анастасия Стоцкая, Кречмар — Евгений Герчаков

пуды их квартетов, восемнадцатых скучных, нудных симфоний. Кому сейчас нужны эти километры музыки?..

— Вы затронули проблему жанра. Как, по-вашему, существуют ли мертвые жанры? Вот, к примеру, Геннадий Гладков считает, что опера уже умерла.

— Жанр в отличие от человека, от любого живого существа не может умереть и не воскреснуть — сколько

чал в Ташкенте. Моим учителем был один из учеников Мясковского. Когда я переехал в Москву, моим учителем стал Николай Николаевич Пейко... Потом я учился у Хачатуряна, брал у него частные уроки... А потом я переехал в Ленинград, композиции учился у Сергея Слонимского. Но все же своим учителем я считаю Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Я ходил к нему на консульта-

— Скажите, часто ли вас посещает чувство, что вещи, музыка, созданная вами, живут какой-то своей самостоятельной жизнью?

— Да, конечно. Ощущение невероятного счастья, когда какие-то люди играют твою музыку, и я им уже даже вроде бы там не нужен — на репетиции, например, даже мешаю. Странно, когда без твоего участия в далеком Сахалине или Магадане ста-

но нигде не был поставлен. И вдруг у меня украли чemoданчик, где был единственный экземпляр этой злобастой рукописи. И я решил, что такая вот у этого мюзикла судьба.

Проходит 25 лет, я приезжаю в Москву, живу у кузины на Патриарших прудах. Фортепиано у нее нет, а оно мне понадобилось. Кузина говорит, что есть у соседней сверху. Я так нахально, не зная их совершенно, поднимаюсь на этаж, звоню в дверь, открывают мне какие-то люди, повторяю, мне совершенно незнакомые. Они говорят: «Вы не Журбин?» — «Да. А вы кто?..». Оказалось, артисты театра оперетты, муж и жена, играли когда-то в Магаданском театре. И дальше: «Помните, вы приезжали и играли одну вещь?» — «Какую вещь?» — «Три брата». Я им сказал, что вещь утеряна, а они мне: «У нас есть запись! Вот она, мы иногда ее слушаем!». Прошло двадцать лет, я восстановил по записи клавиш и поставили этот мюзикл в Магаданском театре... История абсолютно булгаковская: вот так, на Патриарших прудах, найти свою запись, сделанную 25 лет назад.

— Расскажите о вашем фестивале...

— Это был праздник, длившийся неделю, назывался «Возвращение Ор-

театр «Мир» на Цветном бульваре.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о самой маленькой актрисе, участвующей в спектакле, — Земфире Жемчужной.

— Этот чудо-ребенок из старинной актерской цыганской династии Жемчужных, династии этой уже двести лет. Еще при Пушкине они были широко известны. Эту девочку мы заметили на фестивале в Гелленджике, фестиваль называется «Южная ночь», в цыганском ансамбле. Мы ее послушали, и Проханов говорит ей: «Приходи, прослушайся в театр».

Надо сказать, что там было очень много девочек, но она всех перешибла. Она — настоящая звезда, прирожденная артистка и при этом абсолютно не капризная, милейшее, скромнейшее существо. У нее не детское, а профессиональное отношение к работе. Хотя ей всего двенадцать лет, в ней уже чувствуется женщина, чувствует страсть.

Дай бог, чтобы у нее сложилась карьера. Можно сказать, что мы открыли эту девочку, мы гордимся этим. Дай только Господь ей счастья!

● Беседу велa Татьяна СИРОШ

Невероятно
12.08.2002